

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ОТСУТСТВУЮЩИХ КАТАЛОГОВ.

1. А.Аветисян, Г.Богомолов, А.Борисов, А.Васильев,
В.Васильев, Е.Горянов, Г.Дурков, Г.Захаров, А.Кас-
лов, В.Овчинников, В.Петраченков, Г.Летягов.

Д/К им. Орджоникидзе, 12-18 ноября; живопись, графи-
ка, керамика.

Выставка хороша. Выставка плоха. И то, и другое одновременно справедливо.

Выставка хороша. Она реалистична: тот груз, который откладывает время в душе каждого человека, она фиксирует и выражает один к одному и даже шире, поскольку мы его не расчленяем в себе, а экспоненты представляют его двенадцатью гранями. Выставка представляет мастеров, знающих, чего они хотят. Каждый имеет обведенную и ярким контуром индивидуальность. Каждый сам по себе достаточно интересен.

Овчинников выходит в классики. Еще десяток работ из "Уми, Денис!" Если в работах времен "Газа" и "Чевеский" все сводилось к парадоксам быта, к снискодительности автора к этим парадоксам и к неуверенной уверенности формы, то теперь мир картин расширился, стал неоднозначным и значительным. Мастерство Овчинникова обрело бесспорность, вензель в себя в переработанном виде многие достижения ХХ века. Он может нравиться, может не нравиться, но русского искусства без Овчинникова больше нет.

Меньшая бесспорность в керамических ведах Захарова, есть мера красоты формы и материала, отсутствие желания быть во что бы то ни стало значительным и добрая традиционность. Сейчас, когда на официальных выставках керамисты накручивают и каверчивают всякие сложности и переусложнения, Захаров остается чистым, как язычник среди проповедников.

Не всякое мастерство раскрешает человека. Мастерство Петраченкова подавляет. Выход из цветовых тонкостей

линейных графических форм и вхождение их обратно - виртуозно, но смысл изображений приобретает орнаментальный характер, который делает само изображение несущественным, замененным, в принципе, другими формами, другой, может быть, более чистой вариацией. В итоге смысл повисает где-то в воздухе, в стороне, и надо одной рукой хватать его, а другой - рассматриваемую вещь и тянуть их друг к другу.

Я далек от проблем последних направлений в искусстве и сужу о вещах с традиционных живописно-пластических позиций. В этом несомненная ограниченность, но в этом и определяющее преимущество. В конце концов реализация любой изобразительной идеи опирается на пластическую интуицию, и тут нет принципиальной разницы между египетской пирамидой и поп-артическим объектом, между детским рисунком и профессиональной крайностью. Перед искусством с его неизменными конструктивными основами все равны. Конечно, существует еще внутренняя суть вещей - "душа", жизнь, волнующая наши переживания, но она не везде есть, не в каждой картине или объекте. Поэтому я то говорю об этом, то не говорю, но вполне может быть, что я не чувствую. Умолчав что-либо, я принимаю извинения за собственную нечуткость или за то, что не сказал заведомо ошибочное суждение.

Не имея возможности выявить в концептуальный смысл работ Борисова, можно резонно видеть в них живопись, выполненную не только красками, но и иными материалами. Имеется, кажется, что помимо композиционного дара, он обладает развитым чувством цвета, и потому вещи его я всегда воспринимаю картинами, а не объектами, несущими новейшие идеи, столь же загадочные, как клинопись или язык дельфинов. Поэтому он без усилий может работать одними красками, исключив неживописные материалы, что можно было видеть и на выставке, причем зрителю трудно отдать предпочтение чему-либо.

Наслов выставил вполне хорошие картины и не знал я вещей, которые он показывал весной, я наговорил бы много

хороших, благодарных слов, окрашенных признательностью и симпатией. Увы, эти слова не произносятся: нет в них ни в его вещах того волшебства, которое было в тех (по крайней мере, в двух). Он хороший художник, он делает прекрасные картины, но он может и должен делать лучше. Иначе искусство обидится.

Горюнов то ли впадает, то ли напускает ирачность. Скребется мышка радости под полевицами, но Горюнов не хочет ее выпустить. В колерите и в фактуре его картин появилось что-то каменистоугольное, точно пейзажи и люди вынули из света из шахты или обращаются они на наших глазах в то, во что обратились доисторические пепоротники и динозавры. С другой стороны, в картинах есть желание нравиться, быть по-светски галантным и потому они раздваиваются между стремлением к смерти и соблазном салонного времяпрепровождения. Какое из этих побуждений пересыплют сказать трудно. Может быть, нужно умереть, чтобы воскреснуть в ином качестве.

Выставка плохая.

Плохая потому, что много нереализованных добрых намерений и что совсем худо-беспомощность перед незнанием собственного хотения. Если спросить Буркова или Аветисяна: что ты хочешь сделать в живописи, то вряд ли они ответят что-либо определенное. Устегов может найти звери в стене, вдоль которой он идет, но найдут ли звери Аветисяни и Бурков - сказать трудно.

II. Осенняя выставка Ленинградских художников. участники

Прежние участники неофициальных выставок торчат в манежной массе, как хорошие гвозди в старом башмаке. Башмак разношен - не жист, не грет, а гвозди вонзаются в пятку. И здесь удивительно то, что сороковые заседатели зачастую внешне более смелы, техничны, даже авангардны (в керамике, в коврах, в эскизах театральных все есть, включая поп-арт

и он-арт), но как-то несущественны, принципиально однозначны. И Церуи, и Зубков, и Геннадиев, и М.Иванов в этом окружении - скромнейшие из самых скромных, ни о каком авангардизме речи невозможны. Авантюризм союз, СОСХ, но душа его законсервирована.

Но кому должна быть выражена признательность и душевная благодарность - так это Навлу Николаевичу Кондратьеву. Три его вещи в разделе графики, должно быть, не лучшие в его творчестве и в этом смысле вполне случайные. К сожалению, ничего другого видеть не пришлось. Особенно поразительна одна, где вопреки всем природным начертаниям изобразительной деятельности на плоскости человеческая фигура в интерьере не заслоняет собой скрытую ею часть интерьера, а составляет его полностью видимым и не исчезает сама. Как это сделано - ведомо одному Кондратьеву. В вековой борьбе искусства за освобождение пространства от заслонения его предметами Кондратьев оказался победителем. И все художники от Ренессанса и прошлом до отдаленных в будущем будут обращаться к его опыту, будут носить его в себе, как постоянно действующую жизненную силу.

Ш. Анатолий Васильев.

Выставка частная. Среди представленных картин часть экспонировалась в Д/К им. Орджоникидзе.

В работах Васильева сталкивается два начала: импровизационное и организующее. Импровизированные неопределенные, подобные горному рельефу, видимому с большой высоты, формы расщепляются на крупные введение либо ровного цветового фона, либо возникающие конкретными формами. Импровизация и организация - противородственные устремления: первое - хаос, второе - порядок. Создание их вместе кажется принципиально невозможным, что-то должно пересилить. Тем не менее, Васильев меняет их местами и получает совершенно неожиданный результат. Хаос, абстракция приобретает конкрет-

ность предметов, а конкретные вещи — головы оказываются рождающимися или исчезающими между самоутвердившимся хаосом, в котором просматривается то пуговица, то знаки различия. Нереальность торжествует, она издает себя единственной реальностью, мусор утверждает себя в качестве исходной и окончательной ценности. В этом есть определенная близость с работами Г.Богомолова, но Васильев идет не от изображения, а от сопоставления средств; сам изобразительный язык становится языком художника, причем, языком не говорящим, а склоняющим. Это не бросается в глаза, а потому может оказаться незамеченным.

У.И.